

вания — свидетельство Кристиана. Этого мало. В вопросе непрерывности богослужения на славянском языке в конце IX и в течение всего X в. Каих был бы фигурой не менее важной, чем Борживой, если бы мы могли подтвердить его реальность историческими данными. Показательно, что забытый оппонент Добровского Пфрогнер говорит о славянском священнике Павле Каихе.¹¹ Священника Павла мы знаем из «Crescente» и других Вацлавских легенд X в. как настоятеля церкви в Праге. В ответ на возражения Добровского Пфрогнер во втором издании своей книги стал различать Кристианова Каиха и настоятеля Павла из «Crescente». Но способ мышления Пфрогнера оживает в новейшей литературе. Павла провозглашают представителем славянского обряда и даже автором нескольких старославянских памятников, помимо прочего — наиболее раннего жития Людмилы.

Произведенное Пфрогнером произвольное соединение в один исторический образ двух священников отражает действительно разноречия между двумя основными источниками Кристиана — Вацлавской легендой «Crescente» и старославянскими житиями Кирилла и Мефодия. Не может быть спора о том, что автор «Crescente» считал своего Павла священником латинского обряда. Я уже цитировал показательное в этом отношении место из «Crescente» о приливе в Прагу при Вацлаве ксендзов и книг из Баварии и Швабии. Этой однозначно западной ориентации «Crescente» противостоит во второй главе Кристиана рассказ о славянском священнике Каихе, которого Мефодий дает в качестве спутника только что крещенному Борживою при его возвращении в Чехию. При исследовании судеб славянской культуры в наших землях в IX—X вв. легче отказаться от мысли о существовании князя Борживоя, чем священника Каиха, ибо священник, несущий с собой книги, — более верная гарантия развития новой культуры, чем крещение князя.

Парадоксально то, что Кристиан в силу своих навыков компилятора полемизирует с «Crescente», так сказать, «паратактически». Он не отвергает известия о массовом приливе немецко-латинских ксендзов в Чехию; наоборот, воспроизводит его почти дословно. Прибавляет лишь, что уже ранее того пришел в Чехию из Моравии славянский священник, ученик Мефодия. Критиковать оба эти известия рискованно: до «Crescente» никто не писал об обстановке в стране при князе Вацлаве; также Кристиан — первый автор, у которого мы находим данные о славянском священнике при Борживое. Но хорошо известно, как нужно понимать так называемые «vaticinatio ex eventu». По аналогии можно было бы установить принцип «historisatio ex praesentia» — историк переносит в прошлое современные ему условия. Не отрицая реальную основу сообщения «Crescente», можно думать, что в тоне его рассказа о баварских и швабских ксендзах отражаются настроения 70-х годов X в., когда после основания Пражского епископства в Чехию устремились ксендзы из соседних стран, которых здесь весьма охотно принимали. Точно так же не подлежит сомнению, что в 80-х годах X в. при Войтехе в Прагу приходили славянские священники — по способу Каиха. Загадка в том, откуда Кристиан мог получить известие о священнике IX в., о котором не упоминает ни один кирилло-мефодиевский источник. Общепризнано, что Кристиан изображает обстановку первой половины X в. анахронистически — по образцу условий своей эпохи. Весьма вероятно, что и славянский священник при дворе Пржемысловцев в эпоху до Спитигнева — такой же анахронизм. А вот приход славянских монахов и священников в Чехию в 80-х годах X в. — это то, что Кристиан видел сам.

¹¹ L. Ch. P f r o g n e r. Einleitung in die Kirchengeschichte, I—II. Prag, 1801.

¹¹ Древнерусская литература, т. XIX